

Е. П. Блаватская

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ОСУЖДЕНИЕ ДОЛГОМ?

"Не осуждайте никого в его отсутствие, а если вынуждены порицать его, сделайте ему личный выговор, но мягко и в словах, полных милосердия и сострадания. Ибо человеческое сердце подобно растению кусали: оно открывает свой цветок к сладкой утренней росе и закрывает перед сильным дождём."
— *Буддийская заповедь.*

"Не судите, да не судимы будете".
— *Христианский афоризм.*

Не столь уж немногие из наших самых искренних теософов ощущают себя перед дилеммой, как нам с сожалением приходится слышать. Небольшие причины временами производят большие последствия. Есть такие, которые будут улыбаться, испытывая самую болезненную операцию, и оставаться спокойными, когда им ампутируют ногу, и всё же разразятся бурей и откажутся от своего законного места в царствии небесном, если для его сохранения им придётся молчать, когда кто-то наступает на их любимые мозоли.

В 13 номере "Люцифера" была опубликована статья "Смысл обета". Из семи статей, составляющих обет (из коих опубликованы только шесть), первая, четвёртая, пятая и особенно шестая требуют огромной нравственной силы характера. Чтобы соблюдать такое соглашение, нужна железная воля вкупе с большим бескорыстием, полная готовность к самоотречению и даже к самопожертвованию. Тем не менее, множество теософов с охотой подписали это серьёзное обещание самозабвенно трудиться на благо человечества, не высказав ни слова протеста — кроме как по одному пункту. И странно сказать, это правило третье, которое почти во всех случаях заставляло колебаться показывать малодушие. Ante tubam trepidat (заслышав эти трубы, они трепещут) — самые лучшие и добрейшие из них ощущают тревогу, чувствуя при звуках трубы третьего пункта, что их постигнет судьба стен иерихонских!

В чём же состоит эта ужасная клятва, соблюдение которой представляется выше сил обычного смертного? Просто в этом:

Я даю обет никогда не слушать без протеста любое злословие о своём брате теософе, а также обещаю воздерживаться от осуждения других.

Соблюдать это золотое правило представляется очень лёгким. Слушать, не протестуя, плохие вещи, сказанные о ком бы то ни было, считалось презренным делом с самых отдалённых времён язычества.

"Слушать открытую клевету — проклятие, но ещё хуже не найти ответа на неё", — говорит Овидий. Пожалуй, это по той причине, что, как остро замечает Ювенал, "Клевета, худший из ядов, всегда легко находит вход в неблагоприятные умы", а

также что *в древности* иметь доступ в такие умы нравилось не столь уж многим. То ли дело теперь!..

Фактически, долг защищать своего собрата, ужаленного в его отсутствие ядовитым языком, и в общем воздерживаться от порицания других, — это сама жизнь и душа практической теософии, ибо такой образ действия — это проводник на узкий Путь "высшей жизни", той жизни, которая ведёт к той цели, которой мы все желаем достичь. Милосердие, доброта и надежда — вот три богини, властвующие над этой жизнью. Воздержание от осуждения наших братьев есть молчаливое утверждение присутствия в нас этих трёх божественных сестер; осуждение же по "слухам" показывает их отсутствие. "Не слушай распространителя слухов или клеветника", — говорит Сократ. — "Ведь как он раскрывает секреты других, так он в свою очередь раскроет и твои". Этих носителей клеветы не так трудно и избежать. Там, где нет спроса, скоро прекратится и предложение. Пословица гласит: "Когда люди не слушают злое, тогда и злоречивые воздержатся от злых слов". Осуждать — значит прославлять себя за счёт человека, которого осуждаешь. Фарисеи всех народов делали это с тех пор, как развились нетерпимые религии. Будем ли мы уподобляться им?

Нам, пожалуй, могут сказать, что мы сами первые, кто нарушает этический закон, которого мы придерживаемся. Что в наших теософических журналах полно "обвинений", и что "Люцифер" опускает свой факел, чтобы бросать свет на всякое зло из всех своих сил. Мы отвечаем: это совсем другое дело. Мы с негодованием осуждаем системы и организации, а также множество разных зол — социальных и религиозных, — и в первую очередь лицемерное морализаторство, но мы воздерживаемся от осуждения отдельных людей. Последние — дети своего века, жертвы своего окружения и духа эпохи. Осуждать и бесчестить человека вместо того, чтобы пожалеть его и попытаться ему помочь, только потому что, родившись в колонии прокажённых, он и сам прокажённый, — это всё равно что проклинать комнату за то, что в ней темно, вместо того чтобы спокойно зажечь свечу и рассеять мрак. "Злые дела удваиваются злыми словами", да и нельзя избежать зла или устранить его, если сам делаешь зло и выбираешь козлов отпущения для искупления грехов всего сообщества. Потому мы критикуем сообщества, а не составляющие их единицы; мы указываем на гниль нашей хваленной цивилизации, указываем на пагубную систему образования, ведущую к этому, и демонстрируем роковые последствия всего этого для масс. Не более пристрастны мы и к самим себе. Готовые каждый день положить свою жизнь за **теософию** — то великое дело Всеобщего Братства, ради которого мы живём и дышим, — и защитить своим телом, если нужно, всякого истинного теософа, мы тем не менее открыто и резко отвергаем искажение первоначальных принципов, на которых было построено Теософическое Общество, и постепенное ослабление и подрыв первоначальной его системы софистикой многих его высших должностных лиц. Мы несём свою карму за недостаток скромности в ранние дни Теософического Общества, ибо наш любимый афоризм "посмотрите, как эти христиане любят друг друга", теперь ежедневно и ежечасно возвращается нам: "посмотрите, как эти теософы любят друг друга". И мы содрогаемся от мысли, что хотя от многих из наших привычек и обычаев удалось избавиться, "Люциферу" однажды придётся разоблачать многие пятна на нашей собственной репутации, а именно: немилосердие, поклонение себе

и утверждение личного тщеславия за счёт благополучия других теософов, и делать это даже более яростно, чем он когда-либо критиковал фальшь и злоупотребления властью государственных церквей и современного общества.

Тем не менее, есть теософы, которые забывают о бревне в своём глазу, на полном серьёзе думая, что их долг — разоблачать каждую соринку, которую они заметят в глазу ближнего своего. Так, один из наших наиболее ценимых, трудящихся и благородно мыслящих членов пишет касательно упомянутого третьего правила:

"Обет обязывает принимающего его никогда не говорить ни о ком плохо. Но я считаю, что есть случаи, когда резкое осуждение есть долг истины. Есть случаи предательства, лжи и мошенничества в частной жизни, которые должны быть заклеены теми, кто точно знает о них; и есть случаи в общественной жизни, такие как продажность и унижения, которые добропорядочные граждане должны усердно бичевать. Теософическая культура не будет благословением для мира, если будет навязывать немужественное пораженчество и слабость нравственных устоев..."

Мы искренне сожалеем, обнаружив, что один из наших самых достойных братьев придерживается таких ошибочных взглядов. Прежде всего заметим, что бедна та теософическая культура, которая не в состоянии преобразовать просто "хорошего гражданина" своей родины в "хорошего гражданина" мира. Истинный теософ должен быть в своём сердце космополитом. Своими человеколюбивыми чувствами он должен охватывать всё человечество. Гораздо выше и благороднее быть одним из тех, кто любит своих братьев по человечеству, без различия рас, религий, каст и цвета кожи, чем быть просто хорошим патриотом, или ещё менее того, приверженцем какой-то группы в обществе. Мерить одной меркой всех — это более свято и божественно, чем помогать лишь своей стране возвеличиться в конкуренции и кровавых войнах во имя **жадности** и **эгоизма**. "Резкое осуждение есть долг истины" — это так, при условии, однако, что нужно бороться с *корнем* зла, а не расточать свою ярость, сшибая безответственные цветы, выросшие из него. Мудрый садовод вырывает с корнем паразитические растения, и вряд ли станет терять время на то, чтобы срезать садовыми ножницами верхушки вредных сорняков. Если теософу случится занимать публичную должность — судьи, юриста, депутата или даже священника, тогда конечно его долг перед своей страной, совестью и теми, кто облек его своим доверием, "сурово осуждать" каждый случай "предательства, лжи и мошенничества" *даже* в личной жизни, но — заметьте, — если только к нему обратятся и попросят употребить свою законную власть, но не иначе. Это не злословие и не осуждение, а настоящая работа для человечества — стремление сохранить общество, частью которого этот человек является, от злоупотребления и защитить собственность граждан, доверенную их попечению как официальных лиц, от произвольного отъёма. Но даже тогда теософ может утвердить себя в городском совете и показать своё милосердие, повторив за шекспировским строгим судьёй: "Я проявляю его больше всего, когда проявляю справедливость".

Но какое дело должно быть "работающему" члену Теософического Общества, не занимающему никаких публичных должностей и не являющемуся ни судьёй, ни прокурором, ни священником, до проступков своих ближних? Если окажется, что

один член Т.О. виновен в одном из вышеупомянутых преступлений или даже худшем, и если у другого члена будут неопровержимые свидетельства этого, его тяжёлым долгом может оказаться вынести их на рассмотрение совета своего отделения. Наше Общество нужно защищать, как и его многочисленных членов. Но это, опять же, должно быть простым правосудием. Естественное и правдивое изложение фактов нельзя считать злословием или осуждением своего брата.

Однако между этим и намеренным злословием за спиной — широкая пропасть. Правило 3 касается лишь тех, кто не неся никакой ответственности за действия своих близких или их жизненный путь, тем не менее судят и порицают их при всякой возможности. И в таких вот случаях это становится злословием и клеветой.

Вот как мы понимаем это правило — мы не считаем, что навязываем им "отсутствие мужества или моральную слабость". Напротив — истинная храбрость, как мы уверены, не имеет ничего общего с осуждением; и мало мужества в том, чтобы критиковать и осуждать своих собратьев за их спинами, будь то за несправедливость или вред, причинённый другим или вам самим. Будем ли мы считать несравненные добродетели Гаутамы Будды или Иисуса "отсутствием мужества"? Тогда этика, проповеданная первым, тот моральный кодекс, который профессор Макс Мюллер, Бюрнуф и даже Бартеlemi Сент-Илер единодушно объявили *самым совершенным из тех, которые когда-либо знал мир* — не более, чем пустой звук, а Нагорную Проповедь лучше было бы не сочинять вообще. Считает ли наш корреспондент учение непротивления злу, доброты ко всем существам и самопожертвования на благо других немужественным или проявлением слабости? Должны заповеди "не судите и не судимы будете" и "возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом и погибнут" рассматриваться как "моральная слабость" или как *голос кармы*?

Но наш корреспондент не одинок в своём образе мышления. Многочисленны мужчины и женщины — добрые, милосердные, жертвующие собой и достойные доверия во всех прочих отношениях, без колебания принимающие все другие пункты "Обета", которым тут становится не по себе, и которые почти трепещут перед этим особым пунктом. Но почему? Ответ простой: просто *потому что они боятся бессознательного* (для них) и *почти неизбежного клятвопреступления*.

Мораль сей басни и заключения из неё наводят на следующие мысли. Это прямая пощёчина христианскому образованию и нашему цивилизованному современному обществу во всех его кругах и во всякой *христианской* стране. Так глубоко этот моральный рак — привычка немилосердно злословить о нашем ближнем и брате при всякой возможности — вьелся в самое сердце всех классов общества, от низших до самых высших, что заставил лучших его представителей опасаться своих языков! Они *не отваживаются доверять себе* в том, что смогут воздержаться от осуждения других — просто в силу привычки. Это весьма зловещий "знак времён".

Фактически большинство из нас, какой бы национальности мы ни были, родились и воспитывались в густой атмосфере слухов, немилосердного критицизма и массового осуждения. Наше обучение в этом направлении начинается с малолетства, когда главная няня ненавидит гувернантку, гувернантка —

учительницу, а слуги, не обращая внимание на присутствие детей, непрерывно сплетничают о хозяевах, находят недостатки друг у друга и отпускают бесстыдные замечания о каждом посетителе. То же самое преследует нас в классе, будь то в школе или при домашнем обучении. Но вершины этического развития это достигает в годы нашего образования и практического религиозного наставления. Нас насквозь пропитывают убеждением, что мы "рождены в грехе и полной развращённости", а наша религия — единственная, которая может спасти нас от вечного проклятия, тогда как остальному человечеству суждено вечно поджариваться на адском огне. Нас учат, что клевета на религии и богов всех других народов есть знак почтения к нашим собственным идолам и вообще похвальное действие. Сам "Господь Бог", *личный* абсолют, вбивается в молодые податливые умы как вечно злословящий и осуждающий тех, кого он создал, проклиная упругих иудеев и *соблазняющий* язычников.

На протяжении многих лет умы молодых протестантов периодически обогащают отборными проклятиями из служб "*В осуждение*" в их молитвенниках или "гневом господним и осуждением грешников", в добавление к вечному проклятию, на которое уже осуждены большинство живых существ, а молодой католик с самого рождения слышит угрозы проклятия и отлучения от церкви. Именно из Библии и молитвенников Англиканской церкви мальчики и девочки всех классов узнают о существовании пороков, за одно упоминание которых книги Золя попали под запрет как безнравственные и развращающие, но после перечисления и во *проклятие* которых в церквях стар и млад вынужден повторять "аминь" за слугою кроткого и скромного Иисуса. Последний говорит: *не проклинаяте, не осуждайте*, а "любите врагов ваших, благословляйте проклинаящих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас". Но канон церкви и священников говорит: вовсе нет. Есть пороки и преступления, "за которые должно утвердить проклятие божье вашими собственными устами" (см. "Commination Service" — службу "В осуждение"). Что удивительного, что позже в своей жизни христиане благочестиво стараются подражать "Богу" и священнику, ведь в их ушах ещё звенят такие проклятия как "да будет проклят тот, кто перемещает межу соседа", или делает то или иное, и даже тот, "кто полагается на человека" (!) и прочие осуждения "Бога". Они судят и осуждают направо и налево, предаваясь массовой клевете и проклятиям уже от себя лично. Неужто они забывают, что в последнее проклятие — анафему прелюбодеям и пьяницам, идолопоклонникам и вымогателем, — включены также **клеветники** и **немилосердные**? И что присоединившись в торжественном "аминь" к этому последнему *христианскому* громометанию, они *своими собственными устами* подтверждают, что проклятие божье должно пасть на их собственные грешные головы?

Но, похоже, это очень мало заботит наших общественных клеветников. Ведь как только воспитанные в религиозном духе дети воцерковлённых христиан покидают школьные скамьи, они попадают в руки своих предшественников. Тренируемому к своему последнему экзамену в этой школе скандала, именуемой светом, более старшими и опытными языками, чтобы стать магистром в науке злословия и осуждения, респектабельному представителю общества нужно только примкнуть к религиозной конгрегации: стать церковным старостой или покровительницей.

Кто отважится отрицать, что современное общество в целом стало огромной ареной для моральных убийств, совершаемых между двумя чашками вечернего чая и среди шуток и насмешек? Сейчас оно более чем когда-либо представляет собой нечто вроде международной бойки, где под развевающимися знамёнами салонного и церковного христианства и культурной мирской болтовни и сплетен, каждый в свою очередь, как только повернётся спиной, становится жертвой, греховным искупительным приношением, чьё поджаренное мясо подобно аромату для длинного носа миссис Гранди.* Давайте помолимся, братья, и поблагодарим Бога Авраама и Иисака, что мы уже не живём в дни жестокого Нерона, и нам уже не угрожает опасность быть брошенными на арену Колизея, чтобы умереть там сравнительно быстрой смертью от когтей голодных диких зверей. Хвала христианству — наши обычаи удивительно смягчились под благотворною сенью Креста. И всё же нам достаточно только войти в современную гостиную, чтобы обнаружить там близкое к жизни символическое представление тех же зверей, пирующих и злорадствующих над покалеченными остовами своих лучших друзей. Посмотрите на этих грациозных и свирепых больших кошек, которые со сладкими улыбками и невинными глазками точат свои розовые коготки, готовясь поиграть в кошки-мышки. И горе бедной мышке, пойманными этими гордыми светскими львицами! Мышку заставят годами истекать кровью, прежде чем позволят ей умереть. Жертвам придётся пройти через неслыханные нравственные мучения, узнавая из газет и *от друзей*, что в тот или иной период жизни они были виновны в каждом из пороков и преступлений, перечисленных в молитвеннике, пока, чтобы избежать дальнейших преследований, упомянутые мышки сами не превратятся в свирепых кошек общества и заставят трепетать других мышей в свою очередь. Которая из арен предпочтительнее, о братья мои — древняя языческая или современная из христианских стран?

---

* Персонаж из пьесы Томаса Мортонa, олицетворение мнения ханжеского и нетерпимого общества. — *Прим. пер.*

Аддисон не нашёл слов презрения, достаточно сильных для того, чтобы дать должную отповедь сплетням светских каинов обоих полов. Он восклицает:

"Как часто честность и порядочность человека упраздняют всего лишь одной улыбкой или пожатием плечей? Сколько добрых и щедрых дел удалось потопить в водах забвения недоверчивым взглядом, приписыванием плохих мотивов или таинственным шепотком в нужный момент? Посмотрите, ... сколько целомудрия изгоняется из мира и жестоко превращается в подозрения завистью тех, кто сам поддался всем искушениям. Как часто репутацию беспомощного существа подмачивают сообщением, которое разносящая его передаёт с таким тоном, будто она искренне его жалеет и надеется, что это неправда!"

От Аддисона перейдём к тому, как разбирает тот же предмет Стерн. Похоже, он продолжает эту картину, заявляя:

"Клевета столь плодотворна, обладая таким разнообразием способов как удовлетворить, так и скрывать себя под маской, что если даже более гладкие орудия ранят так больно, то что же говорить об открытом и бесстыдном

злословии, которому подвергают без всякого предупреждения и не связывая себя никакими ограничениями? Если одно, подобно стреле, выпущенной в темноте, тем не менее производит столько тайных бедствий, то второе, подобно чуме, косит всех налево и направо при свете дня, не делая различия между хорошими и плохими — тысячи падут с одной стороны и десятки тысяч с другой. В этой немилосердной бойне они падут, поражённые в самой нежной своей части, и некоторые уже никогда не оправятся от ран или сердечной боли".

Таковы последствия клеветы, и с точки зрения кармы многие такие случаи весят даже *больше, чем кровавое убийство*. Потому те из *работающих* членов Теософического Общества, кто хотел бы жить "высшей жизнью", должны связать себя этим торжественным обещанием или же оставаться членами-*бездельниками*. Не к последним обращены эти страницы, да они и не заинтересуются этим вопросом. Этот совет не адресован к членам Теософического Общества в целом, ибо обсуждаемый нами "Обет" принимается только теми членами, которые упоминаются в наших ложах как "работающие". Всем другим, то есть тем, кто предпочитает служить украшением и принадлежит к группам "взаимного восхищения", или тем, кто вступив из простого любопытства, тихо отпали, не разрывая своей связи с Обществом, или опять же тем, кто сохранив поверхностный (или вообще какой-то) интерес, проявляют тепловатую симпатию (а таких в Англии большинство) — не нужно отягощать себя таким обетом. Будучи на протяжении лет "греческим хором" в активно разыгрывающейся драме, известной сейчас как Теософическое Общество, они предпочитают оставаться такими, как есть. Этому "хору", учитывая его численность, оставалось, как и в прошлом, всего лишь смотреть на происходящее с героями драмы, и требовалось лишь иногда выражать свои чувства, повторяя заключительные перлы из монологов актёров или же сохранять молчание — на его усмотрение. "Философы на день", как называет их Карлайл, они не имеют и не имели желания стать кандидатами. Потому даже если эти строки попадутся им на глаза, их уважительно просят помнить, что сказанное не относится ни к одному из вышеперечисленных классов членов. Большинство из них вступили в Общество так, как покупают копеечную книжку. Привлечённые новизной обложки, они открыли её и, пробежавшись по содержанию, заголовку, девизу и посвящению, поставили на заднюю полку и больше о ней не думали. Они имеют право на неё в силу того, что приобрели её, но обращаются к ней не чаще, чем к старинной мебели, отправленной в чулан, потому что сиденье её недостаточно удобно или не соответствует их нравственной и интеллектуальной величине. Сотня таких членов даже не увидят журнала "Люцифер", ибо по статистике *более 2/3* его подписчиков — не теософы. Нисколько не счастливее и его старшие братья — мадрасский "Theosophist", французский "Le Lotus" и даже удивительно дешёвое и международное Т.Р.С.* (Аделфи, Дюк-стрит, 7). Как и все пророки, они не лишены чести, кроме как в своих отечествах, и их голоса в полях теософии — поистине "голоса вопиющих в пустыне". И это не преувеличение. Среди подписчиков этих разных теософических журналов, члены Т.О., *органами которого они являются* и для блага которого они были созданы (а их редакторы, менеджеры и вся команда постоянных авторов работают *бесплатно* и ещё приплачивают из своих обычно тощих карманов издателям, печатникам и непостоянным авторам), составляют в

среднем 15%. Это тоже знак времён и показывает разницу между "работающими" теософами и "отдыхающими".

---

* "Theosophical Publishing Society" (Теософическое издательское общество). Приведён его лондонский адрес. — *Прим. пер.*

Мы не можем закончить, не обратившись ещё раз к первым. Кто из них возьмётся утверждать, что правило 3 не является фундаментальным принципом этического кодекса, которым должен руководствоваться каждый теософ, стремящийся к тому, чтобы *стать в реальности единым*? Для такой большой организации, состоящей из женщин и мужчин самых разнородных национальностей, характеров, вероисповеданий и образов мышления, и по этой самой причине дающей такие лёгкие поводы для споров и борьбы, разве не должно стать это правило неотъемлемой частью обязательств каждого члена (будь то работающего или декоративного), присоединяющегося к теософическому движению? Мы думаем так и оставляем это на дальнейшее рассмотрение представителей Генерального Совета, которые встречаются в следующую годовщину в Адьяре.

В обществе, претендующем на возвышенную систему этики — сущность всех прежних этических кодексов, — которое открыто выражает стремление своим практическим примером и образом жизни превзойти и устыдить последователей любой религии, такой обет составляет *непременное условие* успеха. В собрании, где "возле вредной крапивы цветёт роза" и где острые шипы более многочисленны, чем ароматные цветы, обет такого рода есть *единственное спасение*. Никакая этика как наука обоюдного долга человека перед человеком — будь то общественная, религиозная или философская — не может быть названа полной или последовательной, если это правило не будет обязательным. Но не только это — если мы только не хотим, чтобы наше Общество стало де-факто и де-юре гигантской подделкой, выступающей под флагом "всеобщего братства", мы должны при каждом случае нарушения этого *закона законов* исключать клеветника. Никакой честный человек, а там более теософ, не может игнорировать эти строки Горация:

Если заочно злословит кто друга; или злоречье
Слыша другого о нем, не промолвит ни слова в защиту;
Если для славы забавника выдумать рад небылицу
Или для смеха готов он расславить приятеля тайну:
Римлянин! вот кто опасен, кто черен! Его берегися!

Перевод K.Z.

[*"Lucifer"*, Vol. III, No. 16, дек. 1888]

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

